

УДК 259(470)
ББК 86.29(2)

НАРОДНАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА В 1940-х ГОДАХ: НА ПРИМЕРЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

О.Ю. Редькина, С.В. Мордвинов

В статье показано возрождение народной религиозной культуры в советском обществе в 1940-х гг., выявлено стремление верующих восстановить в полном объеме традиционную православную приходскую культуру, наличие альтернативной православной культуры и православно-языческих народных верований. Неофициальная народная религиозная культура оказывала серьезное влияние на властные структуры 1940-х годов. Под ее давлением укрепляются позиции православной церкви в советском обществе.

Ключевые слова: народная религиозная культура, язычество и православие, паломничество к водным источникам, религиозные праздники, суеверия.

В годы Великой Отечественной войны происходит резкий рост религиозности населения СССР. Огромные потери родных и близких, захват значительной территории фашистами, устанавливавшими бесчеловечный оккупационный режим, массовая эвакуация населения, неуверенность в завтрашнем дне и безграничные материальные лишения – все это способствовало обострению у людей потребности в утешении, которое они находили в религии. В современной научной литературе изучены причины изменения вероисповедного курса в СССР, оценены масштабы «сталинского религиозного возрождения», освещена патриотическая деятельность Русской православной церкви (далее – РПЦ) в стране и за рубежом в 1940-х годов [1, 11, 12]. Однако до настоящего времени вопросы о том, в каких же формах происходило религиозное возрождение в советском обществе в этот период, какой была народная религиозная культура, остаются неисследованными.

Религиозный подъем в обществе фактически начинается с первых дней войны. Митрополит Сергей (Страгородский) 22 июня 1941 г. призвал верующих к выполнению священного долга по защите Отечества. С это-

го момента быстро разворачивается неофициальная (вплоть до января 1943 г.) благотворительность в приходах: сбор средств и вещей в помощь фронту, которая приобрела значительные масштабы [1, с. 44–45, 49, 70; 13, с. 269–273]. В этот период, на наш взгляд, народную религиозную культуру можно охарактеризовать как неофициальную, но стремившуюся к признанию со стороны властей. Несмотря на то, что такая деятельность нарушала советское законодательство о культурах, власти не запрещали ее. На оккупированной и прифронтовой территории явочным порядком стали открываться храмы. В Сталинградской области летом – осенью 1942 г. открылось 16 православных приходов. Они были зарегистрированы властями только в 1944 году. О том, что религиозный подъем был повсеместным и довольно массовым в Сталинградской области, свидетельствует широкая подача ходатайств об открытии храмов уполномоченному Совету по делам РПЦ при СНК СССР (далее – СДРПЦ) по Сталинградской области. На 1 февраля 1945 г. такие заявления подали жители 69 из 75 районов Сталинградской области. Практически во всех районах области проводились нелегальные церковные службы [9, л. 7]. 22 июня 1944 г. незарегистрированные священники возобновили паломничество к источнику под Урюпинском, где, по преданию, явилась на

дереве чудотворная икона Божьей Матери [4, л. 4]. Таким образом, верующие стремились восстановить традиционную православную приходскую культуру.

Катализатором возрождения православия в Сталинградской области стал Поместный собор РПЦ, проходивший зимой 1945 г., где был избран Патриархом всея Руси Алексий I (Симанский). После публикации в газетах ряда документов Поместного собора и речи председателя СДРПЦ Г.Г. Карпова духовенство и верующие стали чувствовать себя уверенней, активнее бороться за свои права. Они стремились приобретать газеты с портретом Патриарха Алексия I, покупая их даже по 50 руб. за штуку [6, л. 11]. Обращение Поместного собора «Ко всем пастырям и верным чадам», где говорилось о необходимости соблюдения духовенством и верующими уставных правил церкви (говений, крещений, венчаний и т. д.), верующие восприняли как обязательное правительственное постановление для всего населения, даже для некрещеных [6, л. 14]. В Хоперском и других районах верующие требовали от местных властей возврата им закрытых в 1930-х гг. церквей [6, л. 12].

Визит в феврале 1945 г. в Сталинград делегации Поместного собора РПЦ только усилил религиозный подъем в области. Верующие решили, что основная цель визита – определение мест строительства церквей в городе. Широко были распространены слухи о введении в школьный курс обязательного изучения Закона Божьего, о падении кометы на те села и хутора, в которых нет действующих церквей и молитвенных домов. При этом уполномоченный СДРПЦ по Сталинградской области С.Б. Косицын отмечал, что даже некоторые работники советских и кооперативных учреждений верят слухам об обязательном совершении обрядов, о скором запрете женщинам коротких стрижек, о том, что скоро должны всех крестить, кто еще не крещен, и обвенчать всех, кто еще не венчан [10, л. 27]. Школьники спрашивали учителей, верно ли, что скоро в школах будут преподавать Закон Божий. Молодые учителя не могли ответить на этот вопрос, не знали, как им реагировать на массовое ношение нательных крестиков школьниками. Отделы народного образования просили С.Б. Косицына прочитать им лекцию о правовом положе-

нии церкви в СССР, но СДРПЦ не рекомендовал ему это делать [5, л. 3].

Стремление прихожан возродить в полном объеме традиционный православный культ проявилось и в борьбе с властями за возобновление колокольного звона. В 1943–1944 гг. уполномоченный СДРПЦ запрещал в условиях военной обстановки производить наружный колокольный звон [5, л. 4]. Только принятие постановления СНК СССР № 2137-546с от 22 августа 1945 г. несколько улучшило ситуацию. Оно разрешало производить колокольный звон при наличии в церквях колоколов и покупку верующими готовых колоколов, но запрещало собирать металл и производить отливку новых колоколов [8, л. 42]. В начале 1946 г. в большинстве церквей и молитвенных домов области стали появляться колокола. При этом прихожане, опасаясь изъятий, старались уклониться от разговоров о том, где и каким образом они были приобретены. На такие расспросы они часто отвечали, что колокола ночью приносятся ангелами с неба. Несмотря на запрет, верующие Сталинграда, п. Красная Слобода, г. Камышина в 1945–1946 гг. проводили сбор средств и металлолома для отливки новых колоколов. Обычно для литья колоколов сдавались медные самовары, гильзы от снарядов, домашняя утварь и серебряные полтинники советской чеканки. Только в г. Камышине собрали 60 самоваров для этой цели [13, с. 268].

Новым явлением в социокультурной жизни общества, начиная с 1946 г., свидетельствовавшим об укреплении традиционной православной культуры, стало массовое, открытое празднование христианских праздников: Рождества и Крещения Христова, Пасхи. В частности, в Казанской церкви г. Сталинграда в пасхальном богослужении в 1946 г. участвовали свыше 8 тыс. человек; в Никитской церкви – более 6 тыс. верующих, в молитвенном доме р. п. Красная Слобода – 6 тыс. верующих. Во всех церквях ощущение праздника и молитвенное настроение поддерживала прекрасная музыка и хоры певчих, здания храмов были электрифицированы. Верующие тех районов области, где не было действующих церквей, преодолевали значительные расстояния, чтобы попасть на праздничные богослужения [2, с. 296–297]. Возобновилась традиция совершения многотысячных крестных ходов с иконами

и хоругвями к водоемам для освящения воды в праздник Крещения Господня, купания в проруби, пускания голубей, стрельбы из ружей. Колдование детей и молодежи проходило практически во всех селах области, даже где не было церквей [2, с. 312–314].

Религиозный подъем затронул практически все возрастные и социальные слои населения области. В отчетах уполномоченного приводится отрывочная статистика об участии в христианских праздниках людей старшего поколения, молодежи, детей, женщин, интеллигенции и военнослужащих. Отмечалось, что дети стали ходить в крестиках в школы, детские сады. Уполномоченный подчеркивал, что религиозность была выше в городах, чем в сельских районах: чаще посещали церкви в обычные дни, существовал большой спрос на отправление религиозных треб на дому [2, с. 292, 299–300].

Другая точка зрения была выдвинута Н.В. Кузнецовой, которая полагала, что религиозность была выше в сельских районах области: в районных центрах Сталинградской области в 1945–1946 гг. 67 % родившихся детей крестили, 59 % похорон проводили с церковным отпеванием, до 10 % вступающих в брак венчались в церкви; в Сталинграде – 7 % детей крестились, венчались 39 %, церковное погребение производилось при 28 % похорон. Н.В. Кузнецова полагала, что это было связано с меньшим количеством верующих в Сталинграде, чем в глубинке, с меньшими карательными мерами местных органов власти в отношении представителей интеллигенции и служащих, особенно коммунистов и комсомольцев, замеченных в связях с церковью [12, с. 234]. Отсутствие точной статистики по основной религиозной обрядности за 1945–1947 гг. не дает возможности однозначно ответить на вопрос об уровне религиозности городского и сельского населения Сталинградской области.

Пик активности верующих области в борьбе за открытие церквей приходился на 1945 г. (104 ходатайства), затем активность уменьшается: в 1946 г. – 60 ходатайств, 1947 г. – 19, 1948 г. – 24, 1949 г. – 17 [13, с. 255]. Во многом причиной спада активности верующих стали действия местных администраций, препятствовавших открытию церквей из опасения

репрессий за плохое проведение антирелигиозной работы, жесткие рамки советского законодательства о культах, допускавшие регистрацию 2–3 храмов одного культа на район, да и то после неоднократных заявлений значительных групп верующих. Тем не менее, под давлением верующих процесс ограниченного открытия храмов в Сталинградской области шел по восходящей до 1946 г., когда были зарегистрированы 42 православные общины в 31 ее районе. При этом 9 храмов не действовали из-за отсутствия в них священников [13, с. 265], что стало основной причиной закрытия церквей. В конце 1949 г. в 34 приходах Сталинградской епархии служило только 36 священников и 6 диаконов [13, с. 255, 266].

Таким образом, советское законодательство о культах, действия местных администраций препятствовали возрождению приходской жизни в тех масштабах, каких требовали верующие области. Это приводило к сосуществованию православной приходской культуры с альтернативной православной народной культурой. Последняя продолжала развиваться в основном в тех районах, где не были открыты церкви, и там, где верующие не принимали православное духовенство, которое пошло на соглашение с властями. Носителями такой альтернативной православной культуры были, в частности, истинно православные христиане («тихоновцы»), считавшие советскую власть властью Антихриста. Они проживали в ряде хуторов Хоперского и Добринского районов. «Тихоновцы» не вступали в колхозы, не работали в советских учреждениях, отказывались принимать участие в выборах органов власти, не разрешали детям посещать школу. С.Б. Кошицын считал, что деятельность этих групп можно пресечь, открыв православные приходы в этих хуторах [2, с. 316–317].

Высоким авторитетом у верующих пользовались монахины закрытых в 1920-х гг. монастырей. В отчетах уполномоченного СДРПЦ по Сталинградской области второй половины 1940-х гг. неоднократно упоминается о совершении нелегальных религиозных служб в Балыклейском, Добринском, Дубовском, Еланском, Иловатском, Калачевском, Киквидзенском, Ждановском, Мачешанском, Лемешкинском, Ольховском, Сарпинском, Сиротинском, Эльтонском районах Сталин-

радской области под руководством «монашек». Начиная с 1945 г. верующие систематически ходатайствовали о регистрации для церковных служб вместо священников монахинь [7, л. 35]. Такой шаг вряд ли был возможен не только по причине нарушения канонических правил, но и в связи с тем, что среди монахинь было довольно широко распространено негативное отношение к патриаршей церкви, которую они считали «безблагодатной и не свободной от государства». Благодинный 2-го сталинградского округа Н.В. Потапов в 1948 г. писал архиепископу Астраханскому и Сталинградскому Филиппу, что монахини в церковь не ходят и даже ведут агитацию против нее среди верующих [13, л. 266].

Монахини стали инициаторами возрождения народной религиозной традиции совершения молений у целебных водных источников. В июле 1945–1949 гг. проходили паломничества населения Вязовского района (совр. Еланский район) к источнику и часовне «Чудотворной иконы Десятой Пятницы» у стен бывшего Краишевского Тихвинского женского монастыря. Интересно, что после коллективной молитвы верующие устраивали на том же месте коллективный обед, что более соответствовало языческой, чем христианской традиции. Культ св. Параскевы Пятницы в XIX – начале XX вв. был широко распространен на Украине и в селах Нижней Волги, населенных украинцами. Он зачастую соединялся с языческим женским культом Пятницы – покровительницы пряжи и льна, родников с целебной водой [3, с. 401–402]. В 1946–1949 гг. паломники стекались и к источнику Девятой Пятницы у с. Городище, особенно популярному у населения в начале XX века [2, с. 267, 320]. Верующие Клетского, Логовского, Иловлинского и Сиротинского районов в 1945–1948 гг. совершали паломничества и службу 21 мая к роднику и часовне «Вознесения Божьей Матери» у стен бывшего Кременского монастыря на р. Дон, а 22 мая – на расстоянии одного километра от монастыря, также около бывшей часовни, где, по преданию, были похоронены «убиенные» 7 братьев. В 1945–1947 гг. на праздник чудотворной иконы Божьей Матери, копия которой хранилась в Покровской церкви г. Урюпинска, приезжали до 15 тыс. верующих из Сталинградской, Ростовской, Рязанской, Воронежской, Тамбовской и

других областей. Богослужения проводились в течение нескольких дней, как в церкви, так и у источника, где явилась икона [2, с. 319–320].

В неурожайный 1946 г. крестьяне возродили традицию молебнов на полях о даровании дождя. В Малодербетовском, Сарпинском районах засуху верующие объясняли отсутствием действующих церквей, настойчиво требовали их открытия, совершали без разрешения властей службы и обряды на полях. Крестные ходы под открытым небом о даровании дождя прошли в Руднянском, Березовском районах [2, с. 298].

Рост народного православия выразился и в появлении во многих районах Сталинградской области юродивых и «болящих», которые в глазах верующего населения являлись «святыми», творили чудеса [2, с. 312–313].

Насильственное насаждение атеизма в советском обществе в 1930-х гг. нанесло огромный ущерб православной культуре, нарушило преемственность в ее восприятии молодым поколением. Священники отмечали, что дети, ходившие «славить Христа» на праздник Крещения Господня, обычно лишь просились войти в дом под этим предлогом, а затем начинали декламировать стихотворения и петь песенки нерелигиозного содержания. Весной 1945 г. православные священники, разъезжая по хуторам для отправления треб, занимались с детьми, преподавали им вероучение [7, л. 34 об.]. Однако такие действия нарушали советское законодательство о культурах, не могли проводиться широко и систематически. Благодинный 2-го Сталинградского округа Н.В. Потапов в докладе архиепископу Филиппу сообщал, что многие из прихожан не знают церковных молитв и не понимают значения церковных таинств, в народе широко распространены суеверия. В частности, священник Семенов х. Калача-на-Дону в мае 1947 г. на исповеди обнаружил, что многие верующие носили на шее в гайтанах засушенные головы гадюк для избавления от малярии [11, л. 54].

Таким образом, возрождение неофициальной народной религиозной культуры в 1940-х гг. проходило в сложнейших условиях. С одной стороны, огромным было желание верующих восстановить традиционную приходскую культуру во главе с духовенством. Од-

нако оно наталкивалось на препоны ограничительного советского законодательства о культурах. Серьезной проблемой также стала нехватка православного духовенства в приходах, которое в своей массе было репрессировано в 1930-х годах. Тяга народа к восстановлению православия выражалась в различных формах – официальных, открытых и неофициальных. В первом случае это были борьба верующих с властями за открытие храмов, участие в их восстановлении, борьба за возобновление колокольного звона, рост православной обрядности. Во втором – распространение слухов религиозного содержания, организация нелегальных религиозных служб и паломничества. Кроме возрождения традиционной православной культуры в Сталинградской области, можно было говорить о наличии альтернативной православной культуры, а также об отдельных проявлениях языческих традиций, суеверий, симбиозе религиозной и светской культуры в советском обществе этого периода. В целом, благодаря давлению неофициальной народной религиозной культуры на властные структуры, в советском государстве упрочились позиции РПЦ, произошло возрождение Сталинградской епархии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках гранта № 169-ЮР от 15.11 2011 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева, О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. / О. Ю. Васильева. – М. : Издат. центр ИРИ РАН, 2001. – 214 с.

2. Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: Сб. документов и материалов: Каталог культовых зданий / сост. О. Ю. Редькина, Т. А. Савина ; под ред. М. М. Загорюлько. – Волгоград : ГУ «Издатель», 2002. – 536 с.

3. Иванов, С. М. Исчезнувшие обители: Крайшевский Тихвинский женский монастырь / С. М. Иванов // Мир православия : сб. ст. / ВЕ РПЦ ; ВолГУ ; редкол.: митр. Волгогр. и Камышин. Герман (отв. ред.) [и др.]. – Вып. 6. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – С. 399–417.

4. Информационный доклад «О состоянии и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области за 2 квартал 1944 года» от 7 июля 1944 г., составленный уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С. Б. Косициным для председателя СДРПЦ Г. Г. Карпова // ГАВО. – Ф. 6284. – Оп. 2. – Д. 2. – Л. 4–5.

5. Информационный доклад «О состоянии и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области за 4 квартал 1944 года» от 5 января 1945 г., составленный уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С. Б. Косициным для председателя СДРПЦ Г. Г. Карпова // ГАВО. – Ф. 6284. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 2–4 об.

6. Информационный доклад «О состоянии и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области за 1 квартал 1945 года» от 5 апреля 1945 г., составленный уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С. Б. Косициным для председателя СДРПЦ Г. Г. Карпова // ГАВО. – Ф. 6284. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 10–17.

7. Информационный доклад «О состоянии и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области за 2 квартал 1945 года» от 22 июня 1945 г., составленный уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С. Б. Косициным для председателя СДРПЦ Г. Г. Карпова // ГАВО. – Ф. 6284. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 33–37 об.

8. Информационный доклад «О состоянии и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области за 3 квартал 1945 года» от 18 октября 1945 г., составленный уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С. Б. Косициным для председателя СДРПЦ Г. Г. Карпова // ГАВО. – Ф. 6284. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 40–47.

9. Информационная справка «О состоянии и деятельности церквей и молитвенных домов Русской православной церкви в Сталинградской области» в феврале 1945 г., подготовленная для секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) тов. Чуянова А. С. и председателя исполкома облсовета тов. Зименкова И. Ф., составленная уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С. Б. Косициным // ГАВО. – Ф. 6284. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 7–8 об.

10. Справка «О состоянии и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области по состоянию на 10 марта 1945 г.» секретарю Сталинградского обкома ВКП(б) т. Чуянову А. С., председателю облисполкома тов. Зименкову И. Ф., составленная уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С. Б. Косициным // ГАВО. – Ф. 6284. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 25–29.

11. Справка «О положении и деятельности Русской православной церкви в Сталинградской области за 1-й квартал 1947 г.» секретарю Сталинградского обкома ВКП(б) тов. Прохватулову В. Т.,

председателю Сталинградского облисполкома тов. Зименкову И. Ф., составленная уполномоченным СДРПЦ по Сталинградской области С. Б. Косициным от 26 мая 1947 г. // ГАВО. – Ф. 6284. – Оп. 2. – Д. 8. – Л. 52–61.

12. Кузнецова, Н. В. Государственно-церковные отношения в первые послевоенные годы (1945–1948 гг.) на материале Сталинградской области / Н. В. Кузнецова // Мир православия : сб. ст. / ВЕ

РПЦ ; ВолГУ ; редкол.: митр. Волгогр. и Камышин. Герман (отв. ред.) [и др.]. – Вып. 3. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. – С. 226–236.

13. Редькина, О. Ю. Сталинградские благочиния в годы Великой Отечественной войны и восстановительного периода / О. Ю. Редькина // Очерки по истории Волгоградской епархии Русской православной церкви. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. – С. 245–286.

NATIONAL RELIGIOUS CULTURE IN THE 1940s: THE STALINGRAD OBLAST CASE STUDY

O. Yu. Redkina, S. V. Mordvinov

The revival of national religious culture in the Soviet society in the 1940s is shown in the article. The authors reveal an aspiration of believing people to restore on a full scale the traditional Orthodox parish culture. They showed the presence of alternative Orthodox culture and Orthodox-pagan folk beliefs. The informal national religious culture had a serious impact on governmental bodies in the 1940s. Under its pressure the positions of the Orthodox Church in the Soviet society became stronger.

Key words: *national religious culture, paganism and Orthodoxy, pilgrimage to water sources, religious holidays, superstitions.*